

— Режиссёр, не бойтесь. — Тан Сю сидел на кровати, оглянулся на Стяг сбора душ, который уже вернулся в нормальное состояние, как будто ничего не произошло, и похлопал по месту рядом. — Давайте поговорим.

— О чём??

Глаза Тан Сю были невероятно глубокими, словно в них скрывалась бездна. Он посмотрел на Цзян Цяо пару секунд и тихо сказал:

— Я всегда старался избегать этого, но если уж это произошло, у меня нет другого выбора.

Цзян Цяо словно очнулся, чуть не подпрыгнув.

— О чём говорить? Не буду! Я пойду спать!

— Эй! — Тан Сю вскочил с кровати, а Цзян Цяо шагнул ещё быстрее, подошёл к двери, положил руку на замок и резко обернулся. — Ты закрыл дверь, значит, не хочешь, чтобы я ушёл?

Тан Сю горько улыбнулся.

— Нет. Просто у меня нет выбора...

— Какого выбора? Я думал, ты хороший парень, поэтому... ты... — Цзян Цяо широко раскрыл глаза, на висках выступили вены. Он смотрел на Тан Сю, грудь тяжело поднималась, и он сквозь зубы проговорил:

— Я уйду, ложись спать, завтра снова съёмки.

Дверь открылась и закрылась. Цзян Цяо ушёл.

Тан Сю услышал, как дверь напротив захлопнулась, и почувствовал пустоту в сердце.

За десять тысяч лет он ещё не испытывал такого чувства пустоты. Он отступил на два шага и снова сел на кровать, долго смотря в сторону, куда ушёл Цзян Цяо.

Е Чжихэн говорил, что если обычные люди узнают об их истинной природе, то либо сочтут их монстрами, либо сумасшедшими, но в любом случае ничего хорошего не выйдет.

Но тогда Тан Сю думал, что Миньминь была просто необразованной женщиной из низов феодального общества, а Цзян Цяо другой — он был известным режиссёром современности, умным, добрым и проницательным.

Оказалось, он недооценил, насколько силы духов и призраков могут напугать простых смертных. Видимо, перед лицом сверхъестественного различия между людьми становятся незначительными.

Тан Сю вдруг почувствовал раздражение, какого никогда раньше не испытывал. Он поднял взгляд на Стяг сбора душ, который, словно понимая, что натворил, скромно висел на стене, не двигаясь и не издавая звуков.

Тан Сю подумал, что несобранная душа не была связана с Цзян Цяо, его чувствами к нему или их постепенно меняющимися отношениями. Независимо от того, что означал красный цвет, исчезновение цветов Стяга означало, что новая душа скоро войдёт в него, и это был огромный

прорыв...

Он мог думать только о деле Лу Канцзина.

Пересматривать и перестраивать свои мысли было для него привычным делом, но сейчас Тан Сю обнаружил, что совсем не хочет думать. Несобранная душа стала лишь ещё одним источником раздражения. Его раздражение разгоралось, как огонь, от груди до горла, и ему хотелось взорваться.

...

На следующее утро визажистка, делая макияж Тан Сю, ахнула.

— Что с тобой случилось вчера вечером? Глаза полны красных прожилок? Как ты будешь сниматься?

Увидев, что Тан Сю молчит, она вздохнула.

— Не переживай так сильно, я поищу искусственные слёзы, может, поможет.

Тан Сю наконец кивнул.

— Спасибо.

На столе лежал завтрак, купленный ассистентом. Вчера на съёмочной площадке Цзян Цяо случайно упомянул, что его завтрак слишком простой, и ассистент запомнил, сегодня принёс семь-восемь блюд, которых хватило бы на троих-четверых. Но Тан Сю даже не прикоснулся к еде, оставив её на столе. Ассистент несколько раз хотел спросить, но молча проглотил слова.

Он чувствовал, что Тан Сю сегодня не в себе, не из-за капризов, а из-за плохого настроения.

Сегодняшние съёмки были полностью текстовыми, с более чем десятком сцен с Чжан Кайсином. Чжан Кайсин вчера видел, как Цзян Цяо целый день придирался к Тан Сю, и с утра почувствовал огромное давление. Увидев, что Тан Сю приближается, он помахал рукой.

— Сегодня мы с тобой работаем, будь осторожен.

Тан Сю без эмоций спросил:

— Режиссёр уже пришёл?

— Только что заглянул, проверил камеры, его позвали завтракать, но скоро вернётся.

Чжан Кайсин передал телефон ассистенту и спросил:

— Ты поел?

— Да.

Они репетировали текст, когда Чжан Кайсин взглянул вдаль и положил сценарий.

— Режиссёр идёт.

Тан Сю, стоя спиной, просто кивнул. Он не хотел видеть Цзян Цяо, он был раздражён, больше

даже злился.

Наверное, Цзян Цяо тоже не хотел его видеть.

Но, к удивлению, Цзян Цяо направился прямо к ним, держа в руках две сложенные коробки с едой. Чжан Кайсин поздоровался.

— Режиссёр, начинаем?

Цзян Цяо махнул рукой, подошёл и потянул Тан Сю.

— Я только что проходил мимо гримёрки, ты не завтракал?

Чжан Кайсин ахнул, обернувшись к Тан Сю.

— Ты же сказал, что поел?

Тан Сю промолчал.

Цзян Цяо вздохнул.

— Позавтракай перед съёмками, весь день работать, если не позавтракаешь, люди подумают, что я издеваюсь над актёрами.

Тан Сю опустил взгляд на коробки в руках Цзян Цяо. В прозрачных контейнерах были рисовый суп и пельмени, в супе плавали два яйца всмятку. Это был не завтрак, купленный ассистентом, вероятно, собственный завтрак Цзян Цяо.

— Режиссёр, хорошо спали прошлой ночью? — спокойно спросил Тан Сю.

Цзян Цяо застыл.

— Да, а ты плохо спал?

Чжан Кайсин вставил:

— Первый раз в съёмочной группе, непривычно, у него глаза в красных прожилках.

— А.

Цзян Цяо без лишних слов сунул коробку с едой в руки Тан Сю и потянул его.

— Пошли, сначала поешь, потом начнём.

Тан Сю не согласился, но и не отказался, последовал за ним к столу с мониторами, сел на маленький стул и начал есть. Чжан Кайсин наблюдал, как они уходят, и вдруг понял, что что-то не так.

Цзян Цяо действительно делал исключения для этого нового актёра. Раньше, если актёр не завтракал, даже если он голодал три дня, Цзян Цяо не моргнул бы глазом. Ешь или не ешь, это твоё дело, я только требую, чтобы ты хорошо играл. Если сам себя уморишь голодом, какое мне дело?

Чжан Кайсин вдруг причмокнул.

Эти двое интересные.

— Почему ты не завтракал? — тихо спросил Цзян Цяо.

Тан Сю остановил ложку с супом.

— Не хотел.

Цзян Цяо замолчал, наблюдая, как он ест, затем тихо сказал:

— Я вчера тоже почти не спал.

Тан Сю молчал.

— Ты тоже не спал?

Тан Сю положил ложку, поднял бровь и посмотрел на Цзян Цяо. Его чёрные глаза были по-прежнему ясными, но холоднее обычного.

— Режиссёр, что-то хотели сказать?

Он провёл ночь в размышлениях, и если бы Цзян Цяо продолжал избегать его, то пусть так. Но этот человек вдруг изменил своё отношение и начал заискивать, словно ничего не произошло, и Тан Сю не мог сдержать гнев.

С рациональной точки зрения, он полностью понимал, что Цзян Цяо, как обычный смертный, испугался сверхъестественного. Но он тоже не святой, у него есть эмоции.

Вчера ночью, ворочаясь в постели, он понял. Независимо от того, связана ли несобранная душа с Цзян Цяо, этот человек, возможно, давно перестал быть для него просто другом. По крайней мере, среди его прежних друзей никто не мог заставить его потерять сон.

Он даже наивно думал, что чувства Цзян Цяо к нему могут превратиться в великую добрую душу. Мечтай. Вчера этот человек ушёл, не оставив ни капли сожаления.

Гнев разгорался в его груди, он злился так сильно, что хотел задушить этого невежественного младшего Стягом сбора душ. Десятитысячелетний Старый Предок, ты думаешь, что можешь играть со мной, как хочешь?

Тан Сю смотрел на него всё холоднее.

— Что-то хотели сказать?

Цзян Цяо замолчал. Он никогда раньше не видел, чтобы Тан Сю злился. Он вздохнул и отвел взгляд.

— Не злись. Вчера я вернулся, успокоился и понял, что ты, возможно, неправильно истолковал мои действия.

Режиссёр потирал свои волосы, чувствуя, что действительно унизился, потеряв всякое достоинство.

— Вчера я ударился головой, а потом увидел эту штуку... Я был в полном замешательстве. Ты закрыл дверь, и я подумал, что ты хочешь меня убить, чтобы скрыть свои секреты.

Тан Сю...

— Подумай, что ты мне сказал: «Если это произошло, то я не могу ничего поделать».

— ...

<http://bllate.org/book/16171/1449852>